

Закончив дневные занятия, старый Люк вошел в замок лорда и прямо на пороге обомлел: перед ним высилась настоящая сахарная гора.

Белоснежный сахарный песок ровным слоем покрывал пол просторной залы, а разноцветные леденцы и мармелад были сложены высокими башнями. В углах теснился пышный, пухлый зефир, длинные же столы ломились от фигурного жевательного мармелада. Даже высокие стулья по обе стороны пошли в дело — на их сиденьях, бережно укрытых сочными листьями лозы, высились горы ароматных сливочных помадок.

Зрелище было настолько невероятным, что старый Люк впервые в жизни опешил и застыл на пороге, решив, что у него помутился рассудок или он видит сон наяву.

Клянусь Древом жизни, даже при виде сокровищ на руинах древнего поля битвы он не позволял себе так растеряться. Увиденное попросту не укладывалось в голове, лишая его дара речи.

— Сахар... Неужели настоящий сахар?

В воздухе плыл густой, приторно-сладкий аромат. Окончательно поверив, что это не наваждение, Люк поспешно захлопнул тяжелую дубовую дверь. Под руку ему попался голый побег лозы; старик обмотал его вокруг ручки и быстро завязал три узла.

Лоза безмолвно возмутилась. Сперва с неё дочиста ободрали всю листву, а теперь вяжут как простую веревку! Треанты всё-таки невыносимый народ, а старики среди них — упрямы и беспардонны вдвойне.

Покончив с этим, старик приблизился к горе сладостей и осторожно подцепил с самого края щепотку белоснежного сахарного песка. Крупинки блестели, точно крошечные кристаллы; в королевской столице за такой товар отдали бы целое состояние.

Рассыпанное рядом разноцветье леденцов манило глаз не хуже россыпи самоцветов. Люк взял одну конфету и отправил в рот. По языку разлилась нежная, сочная фруктовая сладость — ничего подобного ему пробовать еще не доводилось.

"Странно всё это", — подумал старик.

В эпоху величия дома Снежной Сосны прежний лорд выкладывал баснословные суммы за редкий серый сахар, вываренный эльфами. Тогда крошечная коробочка размером с ладонь обходилась в годовой налог со всего владения.

Люку за ратные подвиги тоже как-то пожаловали кусочек, и тот дивный вкус он помнил до сих пор.

Он свято верил, что ничего слаще и изысканнее того серого сахара не существует, но представшее взору зрелище вмиг разрушило бывшие убеждения. Даже если отбросить диковинные, невиданные прежде лакомства, один лишь белоснежный песок произвел бы небывалый фурор в любом из королевств.

Пока старик предавался воспоминаниям, в залу, волоча за собой три огромных плетеных короба, вошел Бру. Остановившись у подножия этой сладкой горы, он принялся один за другим переворачивать их. С сухим, шуршащим гулом лавина сладостей хлынула на пол, и вершина горы поднялась еще выше.

— Бру, во имя Древа, что здесь происходит? — окликнул сородича Люк. — Откуда всё это богатство?

— Наш господин задействовал узор преобразования, — отозвался Бру.

Внешне он казался невозмутимым, но внутри у него всё клокотало от восторга. В тот миг, когда Юнь Фэй прямо у него на глазах обратил обычные камни в горы сахара, старый треант сам застыл как вкопанный, не веря собственному зрению.

— Узор преобразования? — Люк недоверчиво указал на пестрые завалы. — И всё это — результат за один только день?

— Да, — подтвердил Бру, кивнув.

Люк хоть и догадывался, что юный лорд горазд на чудеса, но всё равно не сумел сдержать изумления.

Будучи старше Бру, он хранил в памяти куда больше древних тайн.

Под основанием замка действительно покоился древний узор преобразования. Однако пробудить его ото сна было делом невероятно сложным, а уж удерживать поток силы до тех пор, пока твердый камень не превратится в иное вещество, требовало поистине колоссального, запредельного расхода магии.

Несколько веков назад один из великих предков-лордов сумел пробудить эту силу, но тогда ему удалось сотворить лишь один тяжелый меч. О том же, чтобы превращать камни в сахар — да еще в таких поистине немислимых объемах — никто отродясь не слыхивал.

Подобная чудовищная мощь встречалась разве что среди чистокровных владык демонов древности.

— И господин всё еще там, внизу? — спросил Люк.

— Да, — Бру подхватил опустевшие короба, собираясь вернуться в подземелье.

— Я пойду с тобой, — решительно произнес старик. Ему нужно было своими глазами увидеть юного лорда, чтобы окончательно успокоить встревоженное сердце.

Спорить Бру не стал.

Оказавшись у поворота лестницы, Люк услышал легкий шорох и вскинул голову. Сверху, замерев на ступенях, на сахарные кучи во все глаза таращился Надро — правитель-оборотень, разбуженный шумом, вышел из своей комнаты и теперь стоял, совершенно ошеломленный открывшимся зрелищем.

Называй его хоть сто раз почетным гостем, оборотень-медведь оставался обычным пленником.

Покидать отведенные покои на втором этаже и спускаться в залу он мог лишь под неусыпным надзором сопровождающих лоз. Двое бдительных треантов знали каждый его шаг, так что утаить от них какие-либо коварные замыслы было попросту невозможно.

"Сахар?" — Надро тупо захлопал глазами.

Такого изобилия сладкого золота он не видывал даже в самых смелых грез.

"И эти земли смели называть нищими?!" — мысленно взвился оборотень. Какой же идиот пустил слух, будто молодой лорд гол как сокол и вот-вот пойдет по миру с протянутой рукой? Да этих лгунов мало колесовать!

По сравнению с этой сладкой горой, за которую купцы перегрызут друг другу глотки, любые шахты и пашни казались жалкими крохами. Лорду достаточно лишь пошевелить пальцем, и богатейшие торговцы сами приползут к его ногам, умоляя забрать их сундуки с золотом.

Древнее величие этого рода воистину внушало благоговейный трепет.

Надро еще сильнее укрепился в своих подозрениях: былая слабость и покорность молодого правителя были не более чем хитрой уловкой. Десятилетия безмолвия — чистейший обман ради того, чтобы усыпить бдительность врагов и подкопить сил. Стоит Снежной Сосне подняться во весь рост, и он припомнит старые обиды каждому. Ни один мародер не спасется от праведного гнева, а пять великих аристократов первыми отправятся на плаху!

От этих мыслей по спине Надро пополз ледяной липкий пот. Теперь он даже радовался, что так глупо попался в плен в самом начале. Но стоило представить, какая участь ждет его напыщенного кузена, как оборотень невольно содрогнулся от ужаса.

Потеряв от страха бдительность, Надро оступился и с грохотом полетел вниз по ступеням, прямиком в гору лакомств. От неожиданности он наполовину обратился в зверя; грузная туша оборотня-медведя врезалась в сахарные завалы, отчего гора накренилась и едва не погребла его под лавиной разноцветных леденцов.

Люк сухо щелкнул пальцами. С потолочных балок плетью метнулись упругие лозы, мгновенно скрутив косматого полузверя по рукам и ногам.

Лозы вздернули пленника к потолку, но в этот краткий миг медвежья натура Надро взяла верх над остатками разума: он успел загрести когтистой лапой изрядную пригоршню леденцов, запихнул их в пасть и с упоением захрустел, пачкая подбородок липкой разноцветной крошкой.

При виде этого зрелища оба треанта тяжело вздохнули. Эта жалкая горсть сладостей на невольничьем рынке легко потянула бы на тридцать породистых боевых скакунов, если не больше!

Впрочем, сам оборотень, млея от божественного вкуса, даже не заметил, что висит вниз головой в коконе из ветвей.

Оставив пленника болтаться под потолком, Люк и Бру скрылись за тяжелой каменной плитой. Скользя по узким пролетам винтовой лестницы, они спускались всё глубже в недра замка, пока не достигли потайного святилища, где покоился древний узор.

Дверь в подземелье была распахнута настежь. Юнь Фэй стоял спиной к вошедшим; его хрупкую фигуру окутывало яростное багровое марево. Сила лорда соприкоснулась с древними письменами в бешеном резонансе, и бурлящие потоки чистой магии сгустились в воздухе, став почти осязаемыми.

Прямо у его ног, в самом эпицентре пылающего узора, бил неиссякаемый фонтан разноцветных конфет. Пылая в лучах багрового света, сладости градом сыпались на пол, за считанные мгновения вырастая в новую гору.

По мере того как извергался этот диковинный гейзер, стены каменного чертога медленно раздавались вширь, словно уступая напору магии, а вековой камень на глазах стирался и истончался.

Услышав тяжелую поступь треантов, Юнь Фэй обернулся. Тонкая вязь темных демонических знаков змеилась по его шее, поднимаясь за ухо и медленно очерчивая контуры скул.

— Мой лорд, остановитесь! — в панике вскричал Люк.

— Не могу, — Юнь Фэй горько усмехнулся и лишь глазами указал вверх, на потолок.

Пока Бру наверх таскал короба, сводчатый каменный потолок пошел глубокими трещинами, за которыми открылись древние знаки. То был узор копирования — в точности такой же, какой Юнь Фэй начертил в замковой библиотеке.

Магические потоки молодого лорда связали оба узора воедино, замкнув их в неразрывную цепь. Теперь, пока сила в его жилах не иссякнет до последней капли, безумное превращение было не остановить.

Залу затопило багровое сияние. Сладкий фонтан взмывал всё выше, разбивался о каменный свод и осыпался шумным, дробным дождем из леденцов и ирисок.

Сжав челюсти так, что заныли зубы, Юнь Фэй едва стоял на ногах. Лоб его покрылся крупной испариной, а сила утекала с каждым ударом сердца, тратясь на безумную пляску двух древних узоров.

Минуты тянулись бесконечно долго. Потайная комната разрослась уже вдвое против прежнего, а горы сладостей почти подпирали свод. Магические знаки на шее Юнь Фэя наливались густой, зловещей краснотой.

Внезапно в самом сердце узора гроыхнуло так, словно раскололась земля. Юнь Фэй вскинул голову; его черные волосы взметнулись в диком вихре. Собрав остатки воли, он высвободил первозданную мощь своей крови — лавина магии хлынула наружу, накрывая древние знаки и силой прижимая к земле бьющиеся, точно змеи, багровые цепи символов.

По залу пронеслась ураганная волна; клопочущая энергия с легкостью крошила вековой камень.

Бру и Люка отбросило назад; лишь успев глубоко запустить корни в расщелины пола, они устояли под этим неистовым напором.

Раздался сухой щелчок: край узора треснул. Словно паутина, трещины стремительно побежали во все стороны, рассекая узоры на полу и сводах.

Багровое свечение начало угасать, пока окончательно не сошло на нет.

Светящиеся цепи знаков лопались со звоном одна за другой, и магические оковы наконец пали.

Юнь Фэй рухнул на колени, лишившись последних сил. Упершись ладонями в холодные камни, он хрипло и тяжело дышал. Едкий пот заливал глаза, грудь ходила ходуном, а каждый вдох отдавался в легких невыносимым жжением, словно горло изнутри полосовали острым клинком.

— Мой лорд, берегитесь! — взревел Бру.

Но прежде чем Юнь Фэй успел сдвинуться с места, поврежденный узор вспыхнул вновь. Обрывки багровых цепей взмыли в воздух, срастаясь прямо на лету; они оплели ошеломленного лорда плотным кольцом, мгновенно укутав его в сияющий кокон.

Невидимая сила оторвала его от земли. Опустошенные каналы вновь начали стремительно наполняться магией. Древняя кровь инкуба бурлила в жилах, пробуждая скрытое наследие; темные письмена проступили по всему его телу, чтобы мгновение спустя раствориться в слепящем сиянии.

Из сияющих стенок кокона вырвались тонкие светящиеся ленты. Они извивались и скользили под потолком, точно живые призрачные змеи.

Чудовищная приливная волна магии впечатала треантов в каменные стены. От нестерпимого блеска глаза стариков резало болью, а взор застилала белесая пелена.

Минуло немало времени, прежде чем ярость узора поутихла, а плотный кокон начал таять, истончаясь клочьями тумана.

Когда сияние окончательно погасло, оба узора на полу и потолке застыли, вернув себе первозданную цельность. Юнь Фэй плавно опустился на каменные плиты.

Медленно разомкнув веки, лорд раскрыл ладонь: над его пальцами заплескала сфера чистого, багрового пламени, полыхающая жаром первозданной бездны.

То была истинная, пробужденная сила владыки инкубов.

Треанты переглянулись. Без лишних слов они читали в глазах друг друга искреннее ликование.

Опасность миновала. Повторное пробуждение древней крови сулило лорду небывалую мощь, но вместе с тем послужило и грозным предупреждением. Древняя магия скрывала в себе не только великую силу, но и смертельную угрозу; шутить с незнакомыми узорами и пускаться в столь безрассудные авантюры впредь не стоило.

Поднявшись по полутемной винтовой лестнице, троица вернулась на первый этаж замка.

Старики отправились на кухню, раздобыли там еще с десятков плетеных коробов и битый час таскали сладости из подземелья, пока подвалы наконец не опустели.

Когда Юнь Фэй вошел в залу, в высокие окна уже заглядывали далекие холодные звезды. Внезапно гербы на спинках дубовых стульев вспыхнули ровным серебряным светом, и в воздухе соткались призрачные силуэты тридцати героических предков. Могучие витязи замерли вдоль длинного стола. Единым слаженным движением они вскинули оружие, отдавая своему молодому владыке высший рыцарский салют.

Призраки растаяли в полумраке лишь спустя пару минут, и тут же под сводами залы раздался неожиданный, полный отчаянной решимости голос:

— Мой лорд! Я готов присягнуть вам на верность!

Юнь Фэй удивленно вскинул голову и наткнулся взглядом на болтающегося под самым потолком Надро.

Оборотень так и застыл в полужверином обличье, бессильный вырваться из хватки упрямых ветвей. От долгого висения его тело затекло и онемело, но он изо всех сил напруг связки, стараясь придать своему хриплому голосу как можно больше благоговения:

— Владыка Снежной Сосны! Клянусь честью и предками, отныне моя жизнь принадлежит вам! Я буду преданно служить вам, пойду за вами в любое пекло и созову своих рыцарей, чтобы сражаться под вашим знаменем до последнего вздоха — пока душа моя не вернется в лоно матери-земли!

Логика Надро была проста и надежна: не можешь одолеть — примкни.

Род Снежной Сосны явно восставал из пепла, и час его триумфа был не за горами. И чем покорно ждать, пока тебя перемелют вместе с остальными врагами молодого лорда, разумнее было вовремя сменить сторону.

К тому же... Взгляд Надро вновь упрямо соскользнул на благоухающую гору сладостей, и он судорожно сглотнул набежавшую слюну. Для того, в ком текла дикая кровь лесного медведя, подобное искушение было поистине выше всяких сил.

<http://bllate.org/book/18992/1922227>